

МАРИЯ СЕВЕРОВА

ЖЕНА
— для —
ПРОКЛЯТОГО
ПРИНЦА

18+

Мария Северова

Жена для проклятого принца

<https://litres.ru/74439872>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена знала эту историю наизусть.

Знала, что принц Аарон Валдрис — единственный наследник престола, проклятый обращаться в дракона. Знала, что с каждым годом ему всё сложнее контролировать превращения. Знала, что собственный отец мечтает избавиться от опасного сына.

И знала, чем всё закончится: коронацией, приступом и огнём, который уничтожит половину столицы.

Но в рождественскую ночь попытка шифтинга переносит Елену в любимую книгу по-настоящему.

Теперь у неё есть шанс изменить финал.

Она поможет Аарону обуздать дракона и занять престол. Но взамен требует одного — брака.

Елена любила его ещё тогда, когда он был лишь героем книги. Только настоящий Аарон оказался опаснее и желаннее, чем она представляла.

А сильные эмоции пробуждают в нём дракона.

Особенно желание.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Северова

Жена для проклятого принца

Глава 1

Рождественская ночь пахла мандаринами и горячим воском — мама поставила свечи на подоконник, как делала каждый год, и их огоньки дрожали за стеклом, отражаясь в тёмном дворе. Елена сидела на кровати, поджав ноги, ноутбук грелся на коленях.

Форум она нашла случайно — искала фанфики по «Дракону и престолу», провалилась в ветку обсуждений и наткнулась на тред про шифтинг. Люди писали серьёзно, без смешков: как готовиться, как дышать, как удерживать образ желаемой реальности. Кто-то описывал, как просыпался в другом теле, в другом мире — и возвращался обратно к утру, помня каждую деталь.

Елена перечитала тред трижды.

Она знала «Дракон и престол» наизусть. Все четыре тома, все форумные разборы, все теории о том, чем должна была закончиться пятая книга, которую автор так и не написал. Она знала, что Аарон Валдрис в двадцать лет стоит перед

выбором между короной и собственным рассудком. Знала, что в каноне он проигрывает — не отцу, не врагам, а себе. Знала финал, который читатели называли предательством: коронация в огне, половина столицы в пепле, занавес.

Она закрыла ноутбук.

За окном пробили куранты — где-то далеко, с соседней улицы. Полночь. Рождество.

Глупость, — сказала она себе.

Легла. Натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Техника была простая: дышать медленно, удерживать образ, не отпускать. Она начала — и увидела не абстрактную картинку, а конкретное: каменный подоконник, за которым серое небо; запах смолы и чего-то горелого; длинный коридор с факелами, где пламя тянется в одну сторону, будто там сквозняк.

Она дышала.

Образ не расплывался — наоборот, уплотнялся. Стал объёмным. Она почти слышала, как где-то внизу хлопает дверь.

Это просто воображение, — подумала она.

Подумала — и провалилась.

Не как во сне, где падаешь и успеваешь испугаться. Резко, как выдернутая вилка: секунду она лежала в своей кровати под пледом с оленями, а в следующую —

Камень под ладонями. Холодный, влажный, с острыми швами между плитами.

Елена открыла глаза.

Потолок был высокий, тёмный, с закопчёнными балками. Факел на стене горел спокойно — никакого сквозняка. В воздухе стояло то самое: смола, зола, что-то животное и тяжёлое, чего она не смогла бы назвать, но узнала сразу.

Она села. Руки дрожали.

Это был не сон — камень под пальцами был слишком настоящим, холод пробирал сквозь тонкую пижаму, и где-то за стеной шли шаги — тяжёлые, мерные, в сапогах.

Елена встала. Ноги держали — еле-еле.

Она стояла в коридоре замка Валдрис. Она знала эту планировку — читала описание раз двадцать, спорила на форуме, где именно находятся покои принца относительно тронного зала. Восточное крыло, третий ярус.

Шаги приближались.

Она прижалась спиной к стене между двумя факелами — там было темнее — и не дышала.

Из-за поворота вышел человек.

Высокий. Широкие плечи, прямая спина, тёмные волосы, влажные — будто только умылся. Без камзола, в одной рубашке, незашнурованной у ворота. На скуле — свежий порез, уже не кровоточащий, но красный.

Он шёл и смотрел в пол. Не видел её.

Елена смотрела на него и не могла выдохнуть — не от страха, а от чего-то другого, чему она не хотела давать название прямо сейчас, в первые две минуты своего существо-

вания в этом мире.

Аарон Валдрис был в трёх метрах от неё.

Он поднял голову.

Он привёл её в комнату без окон.

Небольшую, с низким потолком — судя по всему, что-то между кладовой и забытой гостевой: у стены стояла узкая кровать с голым матрасом, рядом стол, на столе огарок свечи. Аарон зажёг её от факела из коридора, поставил на стол и обернулся.

— Здесь тебя не найдут, — сказал он. — До утра.

— А после утра?

— После утра я решу.

Елена огляделась. Каменные стены, никакого окна, одна дверь — та, в которую они вошли. Она знала планировку замка достаточно хорошо, чтобы понять: это где-то между восточным крылом и хозяйственными помещениями. Не темница. Но и не покои для гостей.

— Ты запрёшь меня? — спросила она.

— Нет.

Она посмотрела на него. Он стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и изучал её с тем же выражением, что и в коридоре — как задачу, у которой пока нет решения.

— Почему? — спросила она.

— Потому что если ты захочешь уйти и крикнешь страже, мне это доставит больше неудобств, чем тебе. — Пауза. — А если ты захочешь уйти и не крикнешь — мне будет инте-

ресно, куда ты пойдёшь.

Логика была холодной и точной. Елена почти улыбнулась.

— Ты не спросил, как я узнала про приступы, — сказала она.

— Спрошу утром.

— Почему не сейчас?

Он помолчал. Посмотрел на огонь свечи, потом снова на неё.

— Потому что сейчас ты мне нужна живой и без лишних вопросов. — Он оттолкнулся от косяка. — Приступ не закончился. Он отступил.

Елена поняла, что он имеет в виду. Это было в книге — первая волна спадала, но если ничего не сделать, через час-полтора возвращалась сильнее. Она знала это. И он знал, что она знала — иначе бы не сказал.

— Есть ещё что-нибудь, что помогает? — спросила она.
— Кроме дыхания?

— Холод, — сказал он после паузы. Коротко, будто нехотя. — Или усталость. Если тело занято чем-то другим — отступает.

— Понятно.

— Тебе не должно быть понятно.

— И всё же.

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом, без предупреждения, спросил:

— Ты боишься меня?

Елена подумала — честно, не торопясь с ответом.

— Нет, — сказала она. — Должна была бы. Но нет.

Что-то в его лице дрогнуло — едва заметно, на долю секунды. Она не успела понять, что именно.

— Ложись спать, — сказал он. — Матрас чистый. Утром принесут одежду.

— Аарон.

Он остановился в дверях. Обернулся — медленно, будто само имя из её уст было чем-то неожиданным.

— Я могу помочь тебе этой ночью, — сказала она. — Не только с дыханием. Есть трава — она продаётся на рынке, я знаю, как называется здесь. Если заварить и выпить в начале приступа, вторая волна не придёт.

— Откуда ты знаешь?

— Завтра, — сказала она. — Ты же сам сказал — вопросы утром.

Долгая пауза.

Потом он почти — совсем почти — усмехнулся. Едва, одним углом рта.

— Спи, — сказал он.

Дверь закрылась. Шаги удалились по коридору — ровные, тяжёлые, никуда не торопящиеся.

Елена опустила на край матраса. Свеча горела ровно — здесь не было сквозняка. Она смотрела на огонь и пыталась собрать в кучу всё, что произошло за последние двадцать минут.

Она в замке Валдрис. В теле. Физически.

Аарон Валдрис стоял в трёх метрах от неё и смотрел так, как не смотрит персонаж книги — потому что персонаж книги не занимает пространство, не греет воздух, не оставляет после себя запах смолы и чего-то горячего, похожего на летний асфальт после грозы.

Она легла, не раздеваясь, натянула на себя край матраса — одеяла не было — и закрыла глаза.

Возвращаться она не хотела. Это было первое, что она поняла чётко, без сомнений: она не хотела обратно. В квартире с мандаринами и свечами на подоконнике, в ноутбук с форумками, в мир, где Аарон Валдрис был только текстом на экране. Здесь он был настоящим. И это меняло всё.

Она проснулась от голосов за стеной.

Не слов — просто звук, приглушённый камнем. Мужской голос, резкий. Потом второй — ниже, ровнее. Потом тишина.

Елена открыла глаза. Свеча догорела — на столе стояла лужица застывшего воска. Через щель под дверью шёл серый свет: не факел, утро.

Она села и прислушалась. За стеной было тихо.

Она не знала, сколько проспала — часа три, может четыре. Тело затекло, матрас был жёстким, и холод за ночь добрался сквозь тонкую ткань пижамы до костей. Она потёрла руки, встала, прошла по комнате — три шага туда, три обратно.

Дверь открылась без стука.

Вошла девушка — молодая, лет шестнадцати, с подносом. Хлеб, кусок сыра, кружка с чем-то горячим. Она поставила поднос на стол и посмотрела на Елену с открытым любопытством — без страха, без подозрения.

— Принц велел принести, — сказала она. — И вот. — Она положила рядом сложенную одежду: тёмное платье, простое, без украшений, и что-то вроде шерстяного жилета. — Велел переодеться до того, как он придёт.

— Когда он придёт? — спросила Елена.

— Скоро.

Девушка ушла. Елена посмотрела на платье, потом на свою пижаму, потом снова на платье.

Она переделалась.

Ткань была грубее, чем она привыкла, и пахла чем-то травяным — не неприятно. Платье сидело чуть свободно в плечах, но в целом подошло. Она убрала волосы руками как могла — расчёски не было — и взяла кружку.

Внутри был отвар. Горький, с привкусом хвои. Она выпила половину, поставила кружку и съела хлеб стоя, глядя на потухшую свечу.

Аарон пришёл, когда она заканчивала сыр.

Он был уже одет — тёмный камзол, застёгнутый до горла, волосы убраны. Порез на скуле потемнел, начал заживать. Он вошёл, прикрыл за собой дверь и остановился посреди комнаты.

Посмотрел на неё. На платье.

— Подошло, — сказал он.

— В плечах широковато.

— Потерпишь.

Он сел на единственный стул у стола. Она осталась стоять — садиться на кровать в его присутствии почему-то не хотелось.

— Говори, — сказал он.

Елена поставила кружку.

— Что именно?

— Всё. С начала. Кто ты, откуда знаешь то, что знаешь, и чего хочешь.

Она смотрела на него несколько секунд. Он ждал — спокойно, без нетерпения. Это было обманчивое спокойствие, она знала: под ним работало что-то постоянное, как жар в печи.

— Я расскажу не всё, — сказала она. — Не потому что хочу тебя обмануть. А потому что часть правды ты сейчас не примешь.

— Это моё дело — принимать или нет.

— Хорошо. — Она сложила руки. — Я пришла из другого мира. Не из другой страны — из другого мира, где твой мир существует как история. Я эту историю знаю. Знаю тебя, знаю замок, знаю твоего отца и то, что он делает. Знаю про снадобье, которое он от тебя прячет. Знаю, чем это заканчивается, если ничего не менять.

Тишина.

Аарон смотрел на неё. Лицо — ровное, закрытое.

— И чем заканчивается? — спросил он наконец.

— Плохо, — сказала она. — Для тебя. Для столицы. Для всех.

— Конкретнее.

— Нет.

Он чуть прищурился.

— Ты пришла из другого мира, знаешь мой финал и отказываешься его назвать.

— Да.

— Почему?

— Потому что если ты будешь знать, что именно произойдёт — ты начнёшь действовать против этого. И можешь сломать то, что должно сложиться само. — Она помолчала. — Есть вещи, которые нужно пройти. Я скажу тебе, когда и что делать. Этого достаточно.

Он встал. Медленно, без резкости — просто поднялся и сделал шаг к ней. Остановился близко — не вплотную, но достаточно близко, чтобы она почувствовала тепло, которое от него шло. Не обычное. Градуса на два выше, чем должно быть у человека.

— Ты понимаешь, — сказал он тихо, — что я могу просто выбросить тебя за ворота?

— Понимаю.

— И тебя это не пугает.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты этого не сделаешь, — сказала она. —
Прошлой ночью я остановила приступ. Ты не знаешь, как я
это сделала, и хочешь знать. Ты не выбросишь меня, пока не
поймёшь, что я могу тебе дать.

Он смотрел на неё сверху вниз — она была на полголовы
ниже. Что-то в его взгляде изменилось — не потеплело, но
стало внимательнее. Острее.

— Что ты хочешь взамен? — спросил он.

Елена выдохнула. Вот оно.

— Я помогу тебе контролировать превращения, — сказа-
ла она. — Найду лекаря, который сделает снадобье — не то,
которое прячет твой отец, а настоящее. Помогу тебе занять
tron.

— А взамен?

Она посмотрела ему в глаза.

— Ты женишься на мне.

Тишина была долгой.

Аарон не отступил. Не усмехнулся. Смотрел на неё — и
она не могла прочитать, что за этим стоит.

— Ты понимаешь, что просишь? — сказал он наконец.

— Да.

— Быть женой дракона — не то, о чём мечтают разумные
женщины.

— Я знаю, на что иду.

— Ты думаешь, что знаешь.

— Возможно, — согласилась она. — Но я всё равно прошу.

Он отступил на шаг. Прошёлся по комнате — три шага туда, обернулся. Она заметила, что он делает это так же, как делала она утром: три шага, разворот. Замкнутое пространство, замкнутые мысли.

— Мне нужно время, — сказал он.

— Сколько?

— До вечера.

— Хорошо.

Он взялся за ручку двери, потом остановился, не оборачиваясь.

— Трава, о которой ты говорила вчера, — сказал он. — Как она называется здесь?

— Серый корень, — сказала она. — На рынке продаётся у травниц. Сухой, вязанками. Нужно заваривать в кипятке, настаивать до тёмного цвета.

— И это работает.

— Временно. Пока я не найду лекаря — этого хватит.

Он кивнул. Один раз, коротко.

И вышел.

Елена опустилась на кровать. Положила руки на колени и смотрела на закрытую дверь.

Сделка была предложена.

Теперь оставалось ждать.

Она потёрла пальцы — они всё ещё были холодными — и почти засмеялась. Не от радости, а от того странного чувства, которое бывает, когда долго представляешь что-то, а потом оно происходит и оказывается совсем другим на ощупь. Реальнее. Тяжелее. И почему-то лучше.

За окна — которых не было — наступало утро.

Она была в замке Валдрис.

И уходить не собиралась.

Глава 2

Ответ на сделку пришёл не утром.

Елена прождала до обеда — никто не приходил, кроме той же девушки с подносом. На этот раз суп, хлеб, кувшин воды. Девушка снова смотрела с любопытством, но вопросов не задавала. Елена тоже не спрашивала.

После обеда она сидела на кровати и методично вспоминала всё, что знала о замке. Расположение комнат, имена придворных, распорядок дня. Сколько стражников на каждом посту. Где кухня, где конюшни, где — это было важнее всего — покои короля.

Отец Аарона в книге появлялся редко, но каждое его появление что-то ломало. Он не кричал, не угрожал открыто — просто говорил негромко и точно, и после его слов что-то в Аароне закрывалось. Убиралось вглубь. Елена читала эти сцены с тем тупым раздражением, которое бывает, когда не можешь вмешаться в текст.

Теперь она была внутри.

Дверь открылась в середине её мыслей — без стука, как утром. Но на этот раз не служанка.

Аарон вошёл и остановился у порога. Камзол был тот же, что утром, но левый рукав — она заметила сразу — был закатан до локтя. На предплечье, вдоль кости, шёл длинный красный след. Не порез — ожог. Свежий.

— Ты сам? — спросила она.

Он посмотрел на предплечье, потом на неё.

— Не важно.

— Важно. Это было во время приступа?

Он не ответил. Прошёл к столу, сел на стул — тяжело, как человек, который долго держался прямо и теперь может не держаться. Поставил локти на колени, сцепил пальцы.

Елена встала с кровати.

— Покажи.

— Не нужно.

— Аарон.

Он поднял голову. Посмотрел на неё — долго, с тем же прищуром, что утром.

Потом протянул руку.

Она подошла, присела на корточки рядом со стулом и осмотрела ожог. Длинный, сантиметров пятнадцать, уже начавший пузыриться по краям. Серьёзный, но не опасный — если обработать.

— Когда это случилось?

— Час назад.

— Что спровоцировало?

Пауза.

— Отец, — сказал он.

Елена не стала спрашивать подробностей. Она выпрямилась, взяла кувшин с водой со стола, намочила край полотенца, которое лежало рядом с подносом, и вернулась к нему.

— Это будет неприятно, — предупредила она.

— Делай.

Она прижала влажную ткань к ожогу. Он не дёрнулся — только пальцы свободной руки сжались на колене. Она держала, не отпускала, считала про себя.

— Серый корень принесли? — спросила она.

— Да.

— Заварили?

— Да. Выпил час назад.

— До приступа или после?

— До. Это не помогло остановить.

Она кивнула. Так и должно было быть — серый корень замедлял, но не блокировал. Для полной блокировки нужен был лекарь. Но об этом потом.

— Расскажи, как это происходит, — сказала она. — Не в книге — у тебя. Как ты чувствуешь начало.

Он помолчал.

— Сначала жар, — сказал он наконец. — Под кожей. Как будто кровь меняет температуру.

— Где начинается?

— Грудь. Потом плечи.

— Как быстро распространяется?

— По-разному. Если я успеваю взять себя в руки — медленно. Если нет — Он замолчал.

— Что случается, если не успеваешь?

— Ты видела ожог.

Она убрала полотенце. Кожа под ним была красной, но пузыри не увеличились — хороший знак.

— Это было частичное превращение, — сказала она. Не вопрос — утверждение.

Он посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь, как это называется?

— Я же сказала утром — я знаю твою историю.

— Историю, — повторил он. Тихо, с каким-то странным выражением — не злым, но тяжёлым. — Значит, для тебя это история.

— Была, — сказала она. — Сейчас нет.

Он смотрел на неё. Она не отвела взгляд.

— Второй приступ придёт сегодня ночью, — сказала она.

— Серый корень его ослабит, но не уберёт. Мне нужно быть рядом.

— Зачем?

— Потому что я знаю, как его остановить без снадобья. Пока у нас нет лекаря — это единственный способ.

— Как?

Она помолчала секунду.

— Тебе нужен якорь, — сказала она. — Что-то, что держит тебя здесь. Голос, прикосновение, конкретное ощущение. Когда жар поднимается — мозг теряет границы тела. Якорь возвращает их.

— Ты собираешься быть моим якорем.

— Да.

— Ты не боишься.

— Я уже отвечала на этот вопрос.

Он встал. Она отступила на шаг — не от страха, просто дала ему пространство. Он прошёлся по комнате, остановился у стены, положил на неё ладонь — здоровую, правую.

— Если приступ начнётся и я не успею его взять — ты можешь пострадать, — сказал он. Спиной к ней.

— Знаю.

— И всё равно хочешь быть рядом.

— Да.

Долгая пауза. Он стоял, не оборачиваясь, ладонь на холодном камне.

— Почему? — спросил он наконец. — Не потому что сделка. Настоящий ответ.

Елена смотрела на его спину. На закатанный рукав, на ожог, который она только что держала под мокрой тканью.

— Потому что ты не должен проходить через это один, — сказала она.

Тишина.

Он обернулся. Смотрел на неё — и она снова не могла прочесть его лицо, но что-то в нём было другим. Не мягче. Но как будто одна из стен стала чуть тоньше.

— Хорошо, — сказал он.

— Хорошо — что?

— Ты будешь рядом ночью. — Пауза. — И я принимаю твою сделку.

Елена выдохнула. Тихо, почти неслышно.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари. — Он снова посмотрел на ожог на своём предплечье. — Ещё не знаю, не ошибаюсь ли я.

— Я знаю, — сказала она.

Он посмотрел на неё с чем-то похожим на удивление — первый раз за всё время.

— Откуда такая уверенность?

— Я читала конец, — сказала она просто.

Он ушёл перед ужином.

Сказал, что пришлют служанку — проводит в другие покои, уже не кладовую. Велел спать до полуночи, если получится.

Покои оказались небольшими, но настоящими: окно с тяжёлой занавесью, кровать с периной, стол с подсвечником. Елена стояла посреди комнаты и разглядывала её — первое своё настоящее место в этом мире. Потом подошла к окну, отодвинула занавесь.

Двор внизу был освещён факелами. Стражники, лошади у коновязи, дальше — стена и за ней темнота. Небо над замком было ясным, звёзды крупные, незнакомые — не те созвездия, к которым она привыкла.

Она стояла и смотрела, пока не замёрзли руки.

Потом легла. Не раздеваясь — на случай, если придётся встать быстро.

Заснуть не получилось.

Она лежала и думала о книге. О том, что в каноне ночного приступа во второй день не было — там Аарон несколько недель держался, прежде чем всё сломалось. Значит, её появление уже что-то сдвинуло. Отец почувствовал угрозу раньше. Надавил сильнее.

Это было плохо и хорошо одновременно.

Плохо — потому что она не знала, что именно он сказал сыну. Хорошо — потому что если Аарон сломался быстрее, значит, и лечить его можно начать быстрее.

Она не успела додумать: в дверь постучали.

Один раз. Коротко.

Она встала, взяла подсвечник и открыла.

В коридоре стоял Аарон. Без камзола — снова в одной рубашке, и она поняла сразу: он не планировал приходить. Просто пришёл, потому что больше некуда было идти.

— Началось, — сказал он.

Голос был ровным, но она слышала под ним что-то натянутое — как струна, которую перекрутили.

— Давно?

— Минут десять.

Она отступила, пропустила его внутрь. Он вошёл, остановился посреди комнаты. При свете свечи она увидела: кожа на открытых руках чуть светлее обычного — почти белая, как фарфор, — и под ней, у запястий, что-то двигалось. Не вены. Что-то глубже.

— Сядь, — сказала она.

— Лучше стоять.

— Аарон. Сядь.

Он сел на край кровати. Руки на коленях — сжатые, костяшки белые.

Елена поставила подсвечник на стол, придвинула стул и села напротив него — близко, колено почти касалось его колена.

— Смотри на меня, — сказала она.

Он поднял голову. Глаза — в полутьме они были почти янтарными, и она видела, что зрачки сузились. Нехороший знак.

— Дыши. Четыре счёта — вдох.

— Я помню.

— Тогда делай.

Он дышал. Она считала вслух — негромко, ровно. Один, два, три, четыре. Пауза. Один, два, три, четыре.

После третьего цикла она видела, что не помогает. Руки у него дрожали — мелко, почти незаметно, но она смотрела внимательно.

— Дай руку, — сказала она.

— Не стоит.

— Дай.

Он посмотрел на неё. Потом медленно разжал правый кулак и протянул ей руку ладонью вверх.

Она взяла. Обеими руками — обхватила его ладонь, почувствовала жар. Не просто тепло — жар, градусов сорок,

может больше. Кожа была сухой и натянутой.

— Больно? — спросила она.

— Нет. Пока нет.

— Сосредоточься на этом, — сказала она. — На том, где мои руки. Чувствуешь?

— Да.

— Что чувствуешь?

Пауза.

— Холод, — сказал он. — Твои руки холодные.

— Держись за это. Холод — это я, это здесь, это сейчас.

Ты не один в этой комнате.

Он смотрел на их руки. Дышал — уже медленнее.

Елена чувствовала, как жар под его кожей пульсирует — волнами, с интервалом секунд в десять. Она считала промежутки. Пульс замедлялся.

— Расскажи мне что-нибудь, — сказал он вдруг.

Она подняла взгляд.

— Что?

— Что угодно. Про твой мир. — Он смотрел в сторону, на стену. — Мне нужно слышать голос.

Она поняла.

— В моём мире есть зима, — сказала она. — Настоящая, со снегом. Не такая, как здесь — у вас снег идёт и тает. У нас он лежит месяцами. По утрам окна покрываются льдом изнутри, и нужно дышать на стекло, чтобы протаять дырку и посмотреть на улицу.

— Зачем смотреть?

— Просто смотреть. Не потому что нужно — просто потому что мир за стеклом другой, когда он в иное.

Он молчал. Дышал.

— Продолжай, — сказал он.

— В рождество ставят огни, — сказала она. — Везде. На домах, на деревьях, в окнах. Целый месяц темнота отступает, потому что люди развешивают свет. Это похоже на глупость, но работает. Становится теплее, хотя температура та же.

— Ты оттуда пришла. Из этого рождества.

— Да.

— И не жалеешь.

— Нет.

Он наконец посмотрел на неё. Прямо, без прищура — и она увидела, что янтарь в глазах начал остывать. Зрачки расширились. Жар под её ладонями стал тише.

— Проходит, — сказал он. Тихо, почти удивлённо.

— Да.

— Это ты.

— Якорь работает, — сказала она. — Ты слышал голос, чувствовал холод, был здесь. Этого хватило.

Он смотрел на их руки — она всё ещё держала его ладонь. Потом медленно, осторожно, как будто проверяя, высвободил её.

Сжал и разжал пальцы.

— Спасибо, — сказал он.

Первый раз — она отметила это.

— Не благодари, — ответила она его же словами.

Что-то в его лице дрогнуло. Не улыбка — но близко.

Он сидел на краю её кровати, рубашка незашнурована, ожог на предплечье, и был не книжным принцем, не персонажем, не текстом на экране. Просто человеком, которому только что стало легче, и который не знал, как с этим быть.

— Иди спать, — сказала она. — Вторая волна не придёт.

Серый корень и якорь — на одну ночь хватит.

— Ты уверена?

— Достаточно уверена.

Он встал. Потоптался на месте секунду — неловко, по-человечески, совсем не так, как стоял в коридоре прошлой ночью.

— Завтра, — сказал он. — Расскажешь, как найти лекаря.

— Завтра.

Он пошёл к двери. На пороге остановился — снова, как вчера. Не оборачиваясь.

— Елена.

— Да?

— В твоём мире. В конце этой истории. — Пауза. — Я там счастлив?

Она смотрела на его спину. На напряжённые плечи, на руку, которая держала дверной косяк.

— В конце, который знаю я, — нет, — сказала она честно.

— Поэтому я здесь.

Долгая тишина.

— Понятно, — сказал он.

И вышел.

Елена сидела на стуле ещё несколько минут. Потом встала, подошла к окну, снова отодвинула занавесь.

Двор внизу был тихим. Один факел догорал у ворот, остальные светили ровно.

Она думала о том, что завтра начнётся настоящее. Поиск лекаря, жизнь при дворе, отец, который уже почувствовал что-то лишнее в воздухе замка. Она думала о сёстрах Аарона — о Марии, которая умеет превращаться и у которой нет приступов, и о том, когда и как их нужно будет найти.

Она думала о том, каким было его лицо, когда жар отступил.

Не книжным.

Живым.

Она задёрнула занавесь и легла.

На этот раз заснула быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.